

Ольга Шипилова
Лишние люди

Ольга Шипилова

Лишние люди

«Издательские решения»

Шипилова О.

Лишние люди / О. Шипилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934484-7

Сборник рассказов «Лишние люди» включил в себя такие произведения как: «Второе пришествие», «Поющая собака», «Реск», «Его глаза», «Девочка со сливами», «Лишние люди», «Легкое счастье». Созданные в духе критического реализма, они изображают правду, повседневность, будничность жизни в условиях современности. Однако герои рассказов, скованные обстоятельствами рутины, неприкрашенной обыденности, мечтают о счастье и лучшей жизни, стремятся к идеалам и чему-то прекрасному, верят в чудо.

ISBN 978-5-44-934484-7

© Шипилова О.
© Издательские решения

Содержание

Второе пришествие	6
Поющая собака	9
Реск	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лишние люди

Ольга Шипилова

Фотограф Виктор Анатольевич Иванцов

© Ольга Шипилова, 2018

© Виктор Анатольевич Иванцов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-4484-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Второе пришествие

День начинался как обычно: хмурый рассвет, ломота в теле, сухой кашель и вторая неделя на больничном листе. Карина с трудом открыла мутные глаза и тут же зажмурилась от ядовитого света безжалостной лампочки, которая разбудила ее розовую сонную комнату. «Пора вставать!» – весело проскандировал муж Иван, громко побарабанив по письменному столу жены пальцами. На кухне что-то угрожающе шипело, запах жареной пищи заполнил собой все кругом, не давая возможности дышать. «Это мама с утра пораньше готовит завтрак. Наверное, блины», – подумала девушка, сдерживая приступ тошноты. Карина не любила блины, как и семейные завтраки. Девушка еще немного полежала в постели и сделала попытку подняться. Она уперлась обеими руками в подушку и прислушалась к себе. Тело болело. Вдохи давались с трудом. «Одно легкое все же не дышит!» – про себя отметила девушка и решительно скинула на пол теплое одеяло. Встать сразу не получилось, кружилась голова. Карина вновь опустилась на кровать. Обессилено, одной рукой, она потрогала темные пряди на виске. Волосы оставались на пальцах. Карина рассматривала их: тоненькие, погибшие, как сухая осенняя трава. Жизнь медленно покидала ее тело. Обычный грипп, но с каждым днем становилось хуже. Карина потянулась непослушной рукой, сделав над собой усилие, и погасила торшер. Комната наполнилась темнотой, густой и привычной, от которой в голове рождались тихие образы и мысли.

Сначала Карина думала о своей работе, о коллегах. Они с негодованием восприняли ее отсутствие. На сочувствие и понимание можно не рассчитывать. Все втянуты как болтики и винтики в бесконечный сумасшедший механизм выполнения служебных обязанностей. Должно быть, на ее столе скопился целый ворох важных бумаг, которые придется просматривать сердитым коллегам, они будут ворчать и жаловаться начальству на загруженность. А еще говорят – незаменимых людей нет! Постепенно мысли перетекли в другое русло, Карина задумалась о своем муже. В последнее время их отношения стали как тугая тетива, готовая лопнуть в любую секунду от взаимных обид. Любовь, что согревала их столько лет, будто поутихла, и семейная лодка почему-то дала течь. Карина любила своего Ивана, это она знала точно, но что-то все же было не так. Муж словно ревновал ее к работе, и эта ревность часто захлестывала его. Он хотел владеть Кариной полностью, хотел, чтобы она вела домашний быт и не строила из себя деловую леди в свои-то двадцать шесть. А она ничего и не строила. Положение обязывает быть строгой, серьезной и немного деловой. Конечно, это не совсем она, Карина. Конечно, она надевает на себя маску успешной и ответственной, благополучной сотрудницы и, конечно же, не всегда успевает снять ее дома при маме и муже. Она сильно устает на работе, но, зато, карьера идет в гору. И пусть часто она покрикивает на своих домашних, они должны ее понять! Она так сильно загружена и так горячо печется о материальном благосостоянии семьи!

Карина не знала, что в этот час ее родные люди, сидя на кухне, тоже думают о ней. Мама все прощает своей дочери, часто оправдывая там, где уже нельзя оправдать. На это способны лишь настоящие, мудрые и заботливые матери. Муж Иван сердится за то, что она совсем себя не бережет, сгорает как свечка на своей любимой работе, а у нее здоровье никудашнее. Иван очень любит свою жену, любит, как и прежде, когда им было всего по двадцать. Он брал ее в жены и думал, что счастьем не будет конца. Карина тогда училась в университете. Иван, как мог, обеспечивал свою молодую жену. Он много и тяжело трудился – лишь бы у Карины было все. А потом она вышла на свою престижную работу, и началось. Денег стало больше, жить легче, а вот счастье куда-то ушло. Мобильный телефон жены разрывался день и ночь. Она постоянно решала свои сверхважные задачи, часто сердилась, иногда плакала, но всегда достигала поставленной цели. Были дни, когда ее руки дрожали и нервно подергивались худые плечи. Ивану до горечи во рту становилось жаль свою жену, и он с нарастающей силой ненавидел ее работу. Им так было хорошо раньше, когда Иван уходил на завод, а Карина оставалась одна

в их уютной съемной квартирке, читала свои конспекты, готовила ужины. Рисовала воробьев за окном и часто заливисто смеялась. Внутри нее жила маленькая девочка – веселая и игривая, немного застенчивая и капризная, но так горячо любимая Иваном. Вечерами они гуляли по притихшему городу, ходили к родителям в гости, были молодыми, свободными и беззаботными. А теперь это все испарилось, и девочка внутри Карины умерла.

Вся семья, погружившись в свои невеселые думы, совсем не заметила, как за окном сделалось светло. Солнца не было, хмурился ноябрь тяжелыми серыми облаками и уставшие люди с ледяными масками на лицах все спешили куда-то наперегонки со временем.

Карина провела в постели весь день. Она то спала, то просыпалась. Часто ее накрывала удушливая волна жара, от которого мутился рассудок и быстрые мурашки бежали по всему хрупкому телу. Конечно же, ей нужно в больницу, и в то же время ей туда никак нельзя. Карина до судорог боялась больниц, ей казалось, что там все пропитано болью, смертью и кровью. Она какой-то звериной чуйкой ощущала этот неприятный запах, он будто налипал на нее, от него невозможно избавиться или отмыться.

Вечерело. По телевизору шли новости. Диктор-женщина беспечным голосом сообщала, что в их город едут дельфины. «Дельфины! Самые прекрасные существа на свете! Полубоги-полурыбы, они сами едут или их везут?» – думала Карина, удивляясь странным мыслям. Ей виделось, как в огромных машинах-цистернах плещутся существа, которых она наделяла неземными качествами, и плещутся они там лишь для того, чтобы позабавить галдящую толпу, требующую все новых и новых жертв ради своего развлечения. Дельфины и ноябрь. Дельфины и мрачный серый город, где нет моря, нет свободы. Карина сама себе напомнила дельфина, загнанного чьей-то жестокой рукой в резервуар с мутной стоячей водой. Ей тяжело в нем дышать. Она вынуждена выполнять разного рода трюки, которые выполнять ей не хочется, но именно этого от нее все ждут.

Мама приготовила ужин. Кажется, это был суп. Супа Карине не хотелось. Ей хотелось брокколи. Где в ноябре достать свежую капусту брокколи, знал лишь Иван. Уже в восемь вечера Карина стояла, пошатываясь, на кухне и в маленькой кастрюльке готовила себе зеленое чудо. Но лишь притронувшись к своему нехитрому ужину, Карина побежала к раковине, ее тошнило. Мама и муж видели, как позывы на рвоту сгибают девушку пополам, как она кашляет и плюет зеленой кашей на салфетку.

Карина снова лежала в постели, бледная, до крови закусывая посиневшие губы. Кудрявая брокколи так и осталась покоиться нетронутой на белоснежной фарфоровой тарелочке. Против больницы Карина протестовала, капризничала и ругалась. Родные сидели рядом, не зная, что еще можно предпринять. Лекарства упорно продолжали не действовать, а градусник безжалостно показывал 39.5. Карина хотела остаться одна. Она отталкивала от себя близких, выгоняла из своей комнаты и плакала. Когда часы показали начало второго ночи, мама и муж Иван погрузились в дрему. Карина тоже уснула, и только пятнистая беспородная кошка Маша не покидала своего поста возле горячего тела хозяйки.

Карина проснулась из-за сильного приступа тошноты. Тошнило не от еды, а от того, что ее душа готова вот-вот вырваться наружу. Делалось больно. Но боль была не физической, а какой-то другой, как болит внутри, если сделаешь что-то очень стыдное. Карина попыталась пошевелиться – руки и ноги не двигались. Девушка позвала маму, голоса не было, губы онемели. Кошка Маша суежилась рядом. Промучившись какое-то время, Карина ощутила, что умирает – ее уход необратим. И самое горькое в этом, что она так и останется лежать холодным куском плоти, не прощенная и не простившая, посреди своей маленькой комнаты с искаженным от боли лицом и обезображенными от судорог конечностями.

Карину стошнило, и неведомая сила, причиняя мучительные страдания, вырвала ее из земного существования. Свет погас, выключился звук, и Карина перестала быть. Где-то очень-очень далеко ее мама кричала в трубку телефона что-то про инсульт, просила приехать

скорее и потом выла, как воют собаки по покойнику. «А-а-а, значит, insult», – последнее, что запечатлел умирающий мозг.

Карина не видела, как приехала «скорая», как ее распластанное тело клали на пушистый мамин плед. Потом выносили из квартиры. Она не слышала, как спорили врачи о том, что нельзя нести вперед ногами. Она не чувствовала, как ее реанимировали в машине скорой помощи. Она даже не могла догадаться, как сильно будет рыдать ее муж, возвращаясь домой с пледом и тонкой цепочкой жены, как он не знает, что сказать ее матери, как вместе они кричат и, обнявшись, раскачиваются, сплоченные их общим горем.

Карину не волновали уколы иглками в ноги, изучение фонариком зрачков, споры врачей на консилиуме. Она даже не испугалась, когда молоденькая медсестра визжала прямо над ее ухом: «Она неживая, пульса нет!» Карина не могла предположить, сколько людей будут за нее бороться, поймав за хвост улетающую душу и найдя в мертвом теле слабенький, один единственный, признак угасающей жизни.

А телефон на ее письменном столе продолжал угрожающе звонить, ему было безразлично кто возьмет трубку. И брокколи продолжала жизнерадостно источать свой капустный аромат, ей также было все равно внутри кого распасться на калории, витамины и волокна.

Сначала Карина пребывала всем и ничем одновременно. Она являлась воздухом, ветром, водой, гнилой осенней листвой, и в то же время она разлеталась на сотни кусков и осколков, из которых ее больше не собрать никогда. Времени не существовало. Лишь странная невесомость наполняла все вокруг. Сознания не было. Чувства, эмоции, мысли – все погасло. И только сгусток энергии носился где-то под самым потолком реанимации, там, где огромные лампы смотрели сверху вниз на безжизненные тела, за которые думали, дышали, стучали всезнающие аппараты. А потом что-то будто щелкнуло, ударило, и осколки стремительно стали наполнять умирающее тело. Боль взорвалась во всех клетках, суставах, венах. Душа ворвалась обратно в свой покинутый храм, куда-то туда, где прячутся страх и стыд, где сердце делает свой трепетный удар, когда неистово любит.

Карина снова была погружена в забытие, но уже совсем в иное. В забытии этом существовали краски, образы, воспоминания – в них таилось прошлое. Карине виделись умные мордочки дельфинов в машинах-цистернах, где вместо воды – зеленая брокколи. А потом сознание возвращало ее в ярко освещенную реанимацию, и дельфины превращались в тревожные лица врачей, склоненных над нею. Один засмеялся еле слышно и прошептал: «Будет жить!» И Карина жила. В ней рождалась, трепетала новая жизнь. В нее входила маленькая девочка – ранимая и чистая. Карина пробовала свой голос. Он был слаб. Первое, что она произнесла – это «мама». Сначала тихо, неуверенно, потом все громче. Она звала свою маму, единственную на свете. Она вернулась для того, чтобы начать жизнь сначала. Карина лежала на своей умной кровати, опутанная трубками и проводами, и думала о том, что нет ничего важнее мамы, мужа, жизни, деревьев за окном и возможности просто быть. Пусть больной, пусть очень слабой, но все-таки быть.

Иван нес свою маленькую девочку, свою милую Карину на руках. Он шел слишком быстро, оставляя позади красное больничное здание, которого жена так боялась. Большой халат, что передала мама для Карины, распахнулся от ледяного ветра, обнажив две тонкие ноги, похожие на высохшие веточки. Иван зажмурил глаза. Слезы подступили совсем близко. Карина лежала на его руках теплым сопящим комочком. И было в этом что-то до боли в сердце трогательное и горькое, отчего до хрипоты хотелось кричать и плакать. Она ухватила за шею своего мужа острыми пальчиками, чтобы больше никогда не потерять. Они возвращались домой, где давно ждали их измученная мама и беспородная кошка Маша. Они возвращались без прошлого, без настоящего и пока еще без будущего, чтобы заново начать писать летопись своих отношений, и счастья, и жизни.

Июль 2016

Поющая собака

На широкой набережной курортного города шумела толпа. Нарядные люди в дорогих одеждах ахали, восхищенно поднимали к небу руки и плотным живым кольцом обступали источник музыки. Саксофон заглушал шум вечернего прибоя, надрывался в попытках перехрипеть толпу. Веселые фонари выхватывали из сгущающихся сумерек восторженные смуглые лица. Зрелище стоило того, чтобы задержаться на набережной, преградив путь другим отдыхающим, и преумножить ряды ликующих зевак. Играл мужчина, в черных лакированных туфлях, брюках со стрелкой и белоснежной рубашке. Он был хорош собой. И музыка, чудесным образом извлекаемая из безупречного инструмента, также была безупречно хороша. Но не это оставило людей и заставило затаить дыхание от удушливого восторга. У самых ног музыканта, словно в гипнотическом сне, сидел пес. Вдохновленный музыкой, он щурил глаза и сквозь пелену набежавших слез в узкие щелочки следил за движениями умных рук мужчины. Сверкающий саксофон завораживал пса, и он на высоких нотах, полностью отдавшись власти искусства, забрасывал к темному небу свою большую голову и пел. Пение выходило настолько тоскливо-трогательным, что пес плакал от нахлынувшей грусти и счастливой возможности быть причастным к музыке. Музыкант, радуясь внезапной многочисленной публике, вставал перед странной собакой на одно колено, проделывая неопишуемые маневры с инструментом. Пес, ослепленный золотом саксофона и добротой человека, пел еще громче.

– Смотрите, – кричали люди, – собака поет! Поющая собака!

И отыскивали в сумках, рюкзаках, карманах мобильные телефоны, фотоаппараты, камеры, чтобы оставить себе на память удивительное мгновение, чудо, происходящее на вечерней набережной курортного города. Опускались шелестящие бумажки и звонкие монеты в черный футляр музыканта. Ликовала толпа, потрясенная увиденным. Ликовал музыкант, подсчитывая деньги. А пес просто пел.

Вторые сутки его терзал голод. Он мог бы, конечно, подобрать черствую булку, которой еще утром сердитая старая женщина кормила голубей. Но птиц было слишком много, а старуха бросила в него камень, поэтому он устало отошел в сторону и, молча, наблюдал, как тощие голуби жадно расправляются с черствым куском. Он пах корицей, и пес даже отвернулся, чтобы желудок перестали сводить судороги. Несколько раз он подходил к гастроному в центре набережной, где большие башенные часы отмеряли человеческое время. Прозрачные витрины манили его изобилием еды, тяжелые двери, открываясь и закрываясь, всякий раз извергали головокружительные запахи и будоражили воображение пса. Он прильнул к теплоте, согретье за день солнцем, стеклу и представлял, как восхитительные человеческие изыски наполняют его высохший желудок. Но оттуда его тоже прогнали, чтобы он своим жалким видом не навел тоску на посетителей самого дорогого гастронома в городе.

К вечеру, одурев от усталости и голода, он пришел к морю в надежде отыскать хоть что-нибудь. Среди камней пес учуял сладкий креветочный запах. Порывшись в гладких булыжниках лапой, он обнаружил несколько несъеденных розовых рачков. Пес слизал их языком, но ничего не почувствовал. Они моментально пролетели по горлу и исчезли в желудке, лишь усилив голод и судороги. Красное солнце медленно пряталось за горными хребтами, напоминающая сначала румяный пухлый лаваш, который пес рассмотрел в витрине магазина на блестящем подносе, а потом изгиб жареного пирожка с мясом из все того же гастронома с большими башенными часами. Он сидел и смотрел на солнце до тех пор, пока горные хребты не насытились светом и теплом полностью, оставив взамен надвигающуюся южную ночь. Чуть выше набережной, едва сгустилась темнота, развели веселые песни цикады, своей трескотней они пытались заглушить шум прибоя, и пес, чтобы не слышать их, подошел ближе к морю. Он опустил в воду и трижды отхлебнул из набежавшей пены.

А потом раздалась музыка. Она встревожила его, заставила позабыть о голоде и горьковато-соленом вкусе моря на чувствительном языке. Он растворялся в ней, словно стал бестелесным. Пес брел на звуки музыки, как если бы это было его избавлением. И вот теперь он пел. Забывшись, не ощущая ничего кроме блаженства. Тем временем людям наскучила поющая собака. Не бесконечно же восхищаться чудом! Рано или поздно все становится обыденным, сколь сильно оно ни тревожило бы и ни удивляло бы при первом взгляде. Да и не было нужды продолжать восхищаться живой собакой, когда она навсегда осталась запечатленной на цифровом носителе, и по первому требованию удивит и исполнит понравившуюся мелодию. Людей манили новые зрелища.

Музыкант выгребал деньги из черного футляра, заботливо протирает тряпичным лоскутком свой инструмент. Пес сидел рядом. Едва музыка стихла, он снова ощутил голод и где-то в глубине своей собачей души возымел надежду на то, что человек, который был совсем недавно так добр к нему, пожертвует всего одной монетой, чтобы купить для него румяный лаваш, или жареный пирожок с мясом, или хотя бы четвертинку хлеба в гастрономе с башенными часами. Музыкант бережно спрятал саксофон в футляр, стряхнул с рук усталость и довольный собой гордо зашагал по набережной. Пес осторожно поплелся следом. Он шел настолько тихо, насколько позволяла ему собачья сноровка, лишь бы присутствием своим не спугнуть добрые намеренья человека накормить его. Музыкант двигался вперед, не оглядываясь, уверенно продирался сквозь человеческие тела, совершающие вечернюю прогулку. Пес лавировал между ухоженных ног людей, старясь не испортить их обувь своей неосторожностью и не упустить из вида лакированные туфли музыканта. В один момент псу даже показалось, что человек позабыл о нем, но только всего на одну минуту. Потом пес вспомнил, как человек перед ним вставал на колено, не жалея собственных брюк, как жалобно вздыхал саксофон, и тревога покинула его. Еще несколько ловких бесшумных движений вслед за музыкантом... И о боги! Души людей шире, чем море! Человек направился к гастроному с башенными часами в самом сердце набережной! Еще чуть-чуть, всего немного, и румяный пирожок, или круглый лаваш, или четвертинка черного хлеба будут предложены ему как награда за пение. Только бы другие псы не стали свидетелями этой сцены, а еще хуже – голуби! Пес взглянул на спину человека в белой рубашке, когда тот скрывался за тяжелыми дверями гастронома, и остался ждать снаружи, привычно устроившись возле витрины, которая успела потерять свое тепло. Сердце пса наполнилось любовью, он готов был вылизать лакированные туфли музыканта, избавить пересохшим языком его одежду от пыли и кристалликов соли, только бы суметь отблагодарить, только бы проявить свое признание. Когда музыкант вышел из гастронома с полным бумажным пакетом, пес закрыл глаза. Сейчас, именно сейчас, его ждет долгожданное угощение! Как только сдержаться и не наброситься на еду, как это делают птицы или дворовые псы, только бы не потерять своей собачей гордости! И пока пес раздумывал, как лучше принять пирожок, или лаваш, или четвертинку хлеба, музыкант прошел мимо него и скрылся за ровными рядами стройных пальм. Пес тряхнул головой... Не может быть! Человек забыл о нем? Он хотел броситься следом, но проходившая рядом пара туфель больно ткнула его в ребра. Конечно, не специально – души людей шире, чем море! Пес взвыл от боли, но тут же успокоился, вспомнив, что его могут прогнать от гастронома снова. Он прижался острым позвоночником к витрине и остался сидеть. Один. Голодный и несчастный среди проходящих мимо сытых и счастливых людей.

По другую сторону витрины стоял седой старик. Он был беден, а его кошелек пуст. Старик редко заходил в гастроном с башенными часами, и если подобные визиты случались, то только для того, чтобы посмотреть на дорогие продукты. Весь вечер он слонялся по набережной, не зная, зачем спустился со своих гор в его-то годы. Сначала он задержался возле мимов, затем скоротал несколько часов, рассматривая картины талантливых художников, и еще некоторое время он потратил, любуясь чудом – собакой. Она пела под саксофон, на котором играл,

должно быть, настоящий счастливчик – ее хозяин. Старик смотрел и не мог поверить, что собака поет. А потом старик почувствовал голод. Он зашел в гастроном и пересчитал монеты. Хватало только на хлеб, и старик показал высохшим пальцем на большой лаваш. Собираясь покинуть гастроном и сетуя на цены, старик вдруг увидел острый позвоночник, прижавшийся к витрине с другой стороны. Серая шерсть расплзлась по толстому стеклу. Оголившаяся кожа выглядела такой жалкой, что старик подошел и погладил витрину. Шерсть дышала. Старик оставил свою руку на стекле, и что-то удушливое сдавило горло. Витрина оживала, наполнялась теплом. Теплом старой сморщенной руки и теплом острого позвоночника с расплзшейся серой шерстью. И вдруг позвоночник обернулся. Старик вскрикнул:

– Люди, смотрите, да это же поющая собака!

Людей в гастрономе собака не интересовала, их интересовали продукты, поэтому старик, так и не получив отклика на свой призыв, выбежал на улицу. Он боялся, что поющая собака растворится в темноте ночи, если долго ковылять по торговому залу, демонстрируя свою старость. Но собака не растворилась, она продолжила сидеть на прежнем месте. Старик погладил собаку по голове. Собака прищурилась. Тогда он погладил шерсть и позвоночник, потом посмотрел на свой лаваш.

– Голодный? Хочешь есть? Хозяина, значит, нет у тебя, ты так, забавы ради, под инструмент исполнял? Пойдем, милый, пойдем, поедим!

Он говорил это так, словно не верил, что недостижимое чудо, поющее на набережной, просто сидит перед ним, совсем никому ненужное. Брошенное всеми, оставленное чудо! И когда собака шагнула к нему навстречу, старик расплакался, оттого что в его жизнь, такую одинокую и незаметную, тоже может придти чудо.

У моря сидели двое. Красное солнце медленно выплывало из-за горных хребтов, напоминая изгиб румяного пирожка с мясом. Пес шурился от удовольствия. Старик гладил его большую голову, как никто никогда прежде не гладил ее. И когда голова прижималась к худой груди старика, пес слышал музыку. Это была музыка живого человеческого сердца, музыка любви, музыка жизни. И он снова пел. Пел для единственного сердца, пел с единственным сердцем. И был вкусен пухлый лаваш, разделенный пополам, и была надежда на лучшее, умноженная вдвое, и был новый день, зажмурившийся от красного солнца. В его лучах сидели человек и собака. Они обретали друг друга. Они учились не потерять больше никогда среди беспокойных птиц, шумных цикад и любопытных людей, ждущих новых зрелищ и чуда.

Ялта, август 2017

Реск

Мальчишки играли с собакой у моря. Пес носился вдоль береговой линии, не издавая ни единого звука даже тогда, когда ребята неприятно брызгали ему соленой водой в глаза. Он залаял лишь однажды, когда озорной мальчуган с криком: «Смотри, Рески, что я делаю!» – смело бросился в бурлящую пену с пирса. Пес рванул следом и, оказавшись в плотной, пахнущей йодом бездне, привычными движениями подставил спину и хвост. Дождавшись, когда ловкая рука схватится за то или другое, пес вытащил мальчишку из моря. Большой, беспородный, с умным уставшим взглядом, он давно к ним привык. Нет, конечно, не именно к этим сорванцам, их было слишком много на его памяти. Одни дети уезжали, на смену им приезжали новые. С сердитыми родителями, грозящими прогнать собаку с городского пляжа, и визгливыми малышами, которые всякий раз норовили наступить ногой на его тонкий взъерошенный хвост, похожий на опустошенный колосок. Он привык к тому, что дети, догадавшись о его внутренних терзаниях, пытались играть, прыгая с пирса в воду. Они наивно полагали, что он, десятилетний пес, пришел на пляж купаний и развлечений ради.

– Реск, а я снова прыгну! – кричал все тот же мальчишка, размахивая руками и выгибая дугой бледный живот в синих венках.

Пес вздохнул и, шатаясь, потащился на пирс, чтобы выхватить из моря ныряльщика, который, оказавшись в воде, непременно изобразит утопленника, и ему придется тянуть мальчугана на берег, принимая условия наскучившей игры.

Реск! Что за глупое имя?! Пес помнил день, когда оно к нему привязалось, и теперь передавалось из уст в уста отдыхающими. Несколько лет назад он вот так же сторожил море, дожидаясь, когда оно вернет белый корабль, уплывший за горизонт в поисках берегов, где солнце ласковее и жизнь лучше. Проходивший мимо мужчина со своим маленьким сыном вдруг остановился и окликнул его, назвав Рексом. Пес даже не повернул головы, он сторожил море. Малыш попытался повторить за отцом, но вместо Рекса получился Реск. Пес, словно разбуженный странными звуками, с любопытством взглянул на ребенка. Отец захлопал в ладоши:

– Выходит, ты Реск? Странно и смешно!

Вслед за мужчиной пса начали звать Реском и все отдыхающие, ставшие свидетелями наречения безымянной собаки, ежедневно любующейся морскими пейзажами.

У пса было еще одно имя. Первое. Не менее странное, чем Реск. Он хранил его в своей памяти, но с каждым днем, оно становилось все призрачнее. Потому что тот, кто называл этим именем его и ласково касался головы, тот, кто хохотал, играя с ним у воды, и заглядывал нежно в грустные карие глаза, растворился в море на белоснежном корабле, как легкие облака, похожие на стада бездумных овец, растворяются в голубом небе, гонимые в неизвестные края невидимым пастухом. Словно две жизни: одна – счастливая, наполненная радостным светом, вторая – одинокая, проходящая в ожидании чуда на городском пляже – эти имена расчертили сердце собаки на две тревожные половинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.